

О Кричевском кладе «1909–1910–1911 гг.»*

Вячеслав ФИЛИНОВ

Белорусское нумизматическое общество, член правления, Республика Беларусь, г. Могилев, e-mail: vafilinov@gmail.com

Весной 1910 г. газета «Варшавский дневник» в разделе «Хроника» поместила следующее сообщение: «Для нумизматического кабинета Варшавского университета получено от Императорской археологической комиссии 47 серебряных польско-литовских монет начала XVI в. из клада, найденного в м. Кричеве, Климовичского уезда, Могилевской губернии»¹. Вскоре эту новость дословно перепечатал петербургский журнал «Старая монета»², а год спустя, опустив упоминание о том, что монеты получены от Императорской археологической комиссии (далее – ИАК, Комиссия), краковской ежемесячник «Wiadomosci numismatyczno-archeologiczne»³. Последняя публикация послужила источником для включения кри-

чевской находки в составленный В.Н. Рябцевичем перечень кладов XVI в.⁴. В дальнейшем сведения о ней приведены в ряде других работ⁵. Обнаружение клада все авторы относят к 1910–1911 гг.

История находки была дополнена Н.В. Чекуниной, которая привела сведения о получении в 1910 г. Тверским музеем от ИАК 24 серебряных польско-литовских монет начала XVI в. из клада, найденного в м. Кричев⁶. Сопоставив эти данные с перечнями В.Н. Рябцевича и А. Миколайчика, она пришла к выводу об общности происхождения тверских и варшавских монет⁷. Н.В. Чекунина также уточнила время находки клада «как 1909 – начало 1910 г.», указала на ошибочность отнесения местечка Кричев к Климовичскому (а не к Чериковскому) уезду и отметила отсутствие сведений о находке в отчетах Комиссии⁸ (как и отсутствие ссылок на архивные дела в отношении рассматриваемого клада во всех упомянутых выше перечнях: – В.Ф.).

Дела ИАК (фонд 1 Рукописного отдела Научного архива Института истории материальной культуры РАН, СПб.) являются основным источником информации о монетных кладах и иных находках, поступивших в Комиссию за время ее деятельности с 1859 г. по 1917–1919 гг. Причем «бесследное» прохождение кладов через ИАК практически исключалось как отлаженной за многие годы системой делопроизводства, так и публикациями на базе рукописного материала в ее же изданиях⁹. На каждую находку, присланную в Комиссию, оформлялось самостоятельное, своего рода «личное» дело¹⁰, она отмечалась в Книге поступлений, указывалась в Отчетах и т. д., а наиболее важные с точки зрения, как тогда говорили, «нумизматического интереса» кладыв публиковались.

Находки из Могилевской губернии в большинстве своем направлялись в ИАК Губернским статистическим комитетом¹¹, их общее число за этот период

* В тексте соблюдена орфография цитируемых источников.

¹ «Варшавский дневник», 31 марта (13 апреля) 1910, № 89.

² «Старая монета», 1910, № 4, С. 11.

³ «Wiadomosci numismatyczno-archeologiczne», 1911, № 5, С. 80.

⁴ Рябцевич, В.Н. Денежное обращение и кладыв на территории Чернигово-Северской земли и восточной Белоруссии в XVI в. / В.Н. Рябцевич // Нумизматика и сфрагистика 3. Киев, 1968. – № 5. – С. 180.

⁵ Mikolajczyk, A. Skarby monet z XVI, XVII i XVIII wieku zanotowane na byлым obszarze Wielkiego księstwa Litewskiego. Materiały do inwentaryzacji // Prace i materiały Muzeum archeologicznego i etnograficznego w Łodzi. Seria numizmatyczna i konserwatorska. NR 5: 1985. Łódź, 1987. – S. 129; Рябцевич, В.Н. Денежные депозиты XIV–XVI вв. на территории Могилевщины / В.Н. Рябцевич // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць: зб. навук. прац удзельнікаў Трэціх міжнар. навук. канф., Магілёў, 22–23 мая 2003 г., частка I. – № 16. – С. 14–19; Могилев. Энциклопедический справочник // Минск. – 1990. – С. 294 (Монетные кладыв Кричевский район: «найден между 1910 и 1911»).

⁶ Чекунина, Н.В. О кладе монет начала XVI в. из местечка Кричев Могилевской губернии / Н.В. Чекунина // Трэція навуковыя чытанні памяці прафесара Валянціна Навумавіча Рабіцвіча (1934–2008). Тэзісы дакладаў, Мінск, 16–18 мая 2018 г. / БДУ, 2018. – С. 45–46.

⁷ Там же. С. 45.

⁸ Там же. С. 45–46.

⁹ См.: Императорская археологическая комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб., 2009, с. 50, 72–75, 122. Приложение: Императорская археологическая комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб., 2009, с. 6–8.

¹⁰ В ряде случаев при получении из губернии за короткое время нескольких кладов формировалась общая для всех единиц хранения. Относительно Могилевских поступлений это дела 4-1884, 14-1886, 38-1888, 97-1889, 119-1998, 145-1900, 159-1901, каждое из них содержит материалы от двух до четырех находок.

составило около ста сорока. С Кричевом связано три архивных дела.

В первом из них речь идет о получении Комиссией семи случайно найденных разнородных монет, предметов древности и документов от владельца местного имения В.С. Гольнского, который просит ИАК разрешить ему производить раскопки курганов в его имении «и в прочих местностях России ... и выдать на это свидетельство»¹². В своем ответе Комиссия поясняет: «Что касается желания Вашего заняться раскопками курганов на принадлежащей Вам земле, то Археологическая Комиссия не считает себя вправе воспрепятствовать Вам в этом намерении как собственнику земли и покорнейше просит Вас только почтить ее уведомлением о результате Ваших раскопок». В раскопках «в прочих местностях России» В.С. Гольнскому было отказано, а монеты и предметы старины Комиссия ему вернула¹³.

Материалы второго дела рассказывают о поступлении в ИАК 615 полугрошей XVI в., «приобретенных жителем м. Кричева Чериковского уезда Мордухом Нотовым Гиндиным от неизвестного лица»¹⁴. Этот клад «за отсутствием выдающегося нумизматического значения» был полностью возвращен собственнику и, таким образом, ни целиком, ни частично не мог поступить в Варшаву и Тверь¹⁵.

Третье дело, озаглавленное «О находке старинных серебряных монет в м-ке Кричево, Могилевской губ.», открывает сопроводительное письмо от 29 сентября 1905 г., в котором вице-губернатор М.В. Лядженский извещает об отправке «в распоряжение Комиссии 646 штук старинных серебряных монет, найденных жителем мест. Кричева Климовичским мещанином Рафаилом Берковым Либерманом на огороде вблизи его дома во время рытья картофеля»¹⁶. Клад ИАК передала на рассмотрение в Императорский Эрмитаж, откуда «за ненадобностью» его вернули с приложением сведений о составе обратно в Комиссию. После этого монеты с согласия находчика, предупрежденного, что «в противном случае клад будет возвращен», Комиссия купила у Либермана за 35 рублей. Получение денег тот подтвердил собственной распиской¹⁷.

Краткие сведения, составленные хранителем отделения нумизматики Императорского Эрмитажа О.Ф. Реговским, дают общее представление о находке: «...646 старинных серебряных монет. Польско-литовских: короля Александра полугроши б.г. (1 экз. для Польши, остальн. для Литвы). Сигизмунда I чекан для Польши 1509 г. (1 экз.), полугроши, чекан для Литвы 1509–1527 гг. Весом один ф. 93 зол.»¹⁸. Более детальное описание состава клада содержит пронумерованный список, подшитый в деле горизонтально, между листами 4–5 и 36–37. В нем приведены помимо прочего данные о количестве монет по годам, из них младшую группу составляют литовские полугроши Сигизмунда I: 1525 г. (9 экз.), 1526 г. (2 экз.), 1527 г. (3 экз.)¹⁹. Комиссия планировала в мае 1906 г. передать клад Виленскому музею, но по какой-то причине это не было сделано, и его «отложили в долгий ящик»²⁰. К окончательному решению судьбы находки ИАК вернулась через четыре года, когда в марте 1910 г. комплекс был разделен на части, очевидно, с целью пополнения большего числа музейных и иных коллекций.

Список получателей – от Варшавы до Екатеринбургa и от Архангельска до Крыма – с указанием (в скобках) количества монет следующий: Императорское Археологическое Общество (96), Костромская (20) и Таврическая (18) Ученые Архивные комиссии, Ковенский статистический комитет (17), Киевский (44) и Варшавский (47) университеты, Виленский (45)²¹, Рижский (41), Киевский (24), Тверской (24), Рязанский (23), Смоленский (19), Ярославский (24), Могилевский (21), Пермский (20), Уфимский (16), Екатеринославский (18), Черниговский (19), Подольский (20), Полтавский (21), Астраханский (18), Екатеринбургский (18), Архангельский (19) и Херсонский (14) музеи²². В деле имеются подтверждения о получении монет от всех адресатов, кроме Киева, Твери и Ковно. Ректор Варшавского университета, выдающийся ученый, уроженец Гродненской губернии Е.Ф. Карский, написал: «Правление Императорского Варшавского университета, получив ... 47 серебряных польско-литовских монет начала XVI в., из клада, найденного в м. Кричеве ...

¹¹ Исключение составляют дело 145-1900 (две находки, д. Новоселки и станция Лотва, отправлены из Могилева в ИАК начальником работ по постройке «Витебск – Жлобинской» железной дороги), а также несколько оформленных поступлений от частных лиц. В публикациях клад ст. Лотва относят к вымышленной д. Лотва Рогачевского района Гомельской области (см. Рябцевич, В.Н. Монетные клады XVII и первой четверти XVIII в. на территории Чернигово-Северской земли и восточной Белоруссии. / В.Н. Рябцевич // Нумизматика и сфрагистика I. Киев, 1963. – № 71. – С. 173; Рябцевич, Д. Монетные клады Рогачевщины / Д. Рябцевич // Старажытнасці Рагачоўшчыны: матэрыялы навук.практ. канф. – Мінск, Рагачоў, 2000. – № 21. С. 80–81). В действительности железнодорожная станция Лотва находится в Шкловском районе Могилевской области. В деле 145-1900. Л.1 под первым номером отмечен клад, найденный «на земле крестьян дер. Новоселки Рогачевского уезда», а в отношении второго сказано лишь то, что он обнаружен «недалеко от вновь проектированной станции Лотва», т. е. без уточнения уезда.

¹² Д. 38-1888. Л.12 (в энциклопедическом справочнике «Могилев»: Минск, 1990. – С. 294. Монетные клады. Кричевский район: семь разнородных монет представлены как клад 1888 г.).

¹³ Там же. Л. 15, 15 об. (см. также: Сядых, В.А. Археалагічныя знаходкі У.С. Галынскага з наваколляў Крычава / В.А. Сядых, А.А. Мяцельскі // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – 2001. – № 3. – С. 276–279).

¹⁴ Д. 46-1908. Л. 1, 1 об. Составители перечней относят находку к самому Кричеву. В сводке 2003 г. (Рябцевич, В.Н. Денежные депозиты XIV–XVI вв. на территории Могилевщины / В.Н. Рябцевич // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць: зб. навук. прац удзельнікаў Трэцяй міжнар. канф., 22–23 мая 2003 г. Частка I. Магілёў, 2003. – № 17. – С. 16.) не отмечен польский полугроши Александра.

¹⁵ Там же. Л. 5, 7.

¹⁶ Д. 155-1905. Л. 1, 1 об.

¹⁷ Там же. Л. 2, 3, 5, 6, 10.

¹⁸ Там же. Л. 4.

¹⁹ Перечни «состарили» находку на 2 года (см. Рябцевич, В.Н. Денежное обращение и клады на территории Чернигово-Северской земли и восточной Белоруссии в XVI в. / В.Н. Рябцевич // Нумизматика и сфрагистика 3: Киев, 1968. – № 4. – С. 179: «до 1525 г.»; Рябцевич, В.Н. Денежные депозиты XIV–XVI вв. на территории Могилевщины / В.Н. Рябцевич // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць: зб. навук. прац удзельнікаў Трэцяй міжнар. канф., 22–23 мая 2003 г. Частка I: Магілёў, 2003. – № 15. – С. 16: «полугроши по 1525»).

²⁰ Д. 155-1905. Л. 11.

²¹ Remezas, E. Pinių lobiai Vilniaus senienų muziejaus numizmatikos rinkinyje // Numizmatika 2-3. Vilnius. – 2004. – № 12. – P. 207.

²² Д. 155-1905. Л. 12, 12 об.

присланные в дар для сего университета, имеет честь принести Императорской Археологической Комиссии искреннюю благодарность»²³.

Как видим, никакого самостоятельного клада «1909–1910–1911 гг.» не было, а его появление в качестве двойника реальной находки стало следствием ряда допущенных ошибок. Возможно, что в каких-то музеях из приведенного списка уцелели старые коллекции монет, где сохранились и литовские полугроши начала XVI в. из Кричевского клада 1905 г.

Эта более чем столетней давности история связана с проблемой, которая выходит за рамки отдельного случая. Она заключается в достоверности исходных, базовых данных о кладах, об их составе, месте и времени находки, приводимых в печатных работах справочного характера, перечнях и сводках, соответствии этих данных тем, которыми располагают документальные, прежде всего архивные, источники.

Дело, озаглавленное как «Дело Императорской археологической комиссии о находке старинных монет в Застенке Любиничском Горецкого уезда Могилёвской губ.», содержит материалы еще об одном кладе-«неудачнике»²⁴. Его состав остался не описанным, он не упомянут в «Топографии кладов восточных монет» А.К. Маркова и «Списке монетных находок» Р.Р. Фасмера. При публикации клада и последующем его удвоении допущена путаница в определении названия места находки, его административно-территориальной принадлежности, количестве найденных монет и т. д.²⁵

Установить состав этого крупного комплекса дирхамов хотя бы частично, вероятно, позволит изучение архивов Государственного Эрмитажа, Казанского и Санкт-Петербургского университетов, куда клад поступил частями в 1901–1902 гг.²⁶.

Своего двойника «заполучил» и серебряный платёжный слиток, найденный, как следует из ответа Могилёвского губернатора от 26 мая 1886 г. на просьбу Комиссии сообщить ей подробности этой находки, «... в октябре месяца 1885 года, на дороге, идущей из дер. Студенца в м. Горы, Чауссаго уезда, на расстоянии 2-х верст от м. Горы. Слиток этот лежал на поверхности земли, местности совершенно ровной. Кроме означенного слитка ... никаких больше вещей или монет не найдено»²⁷. В предыдущем письме из канцелярии губернатора от 4 марта 1886 г. (о препровождении слитка в ИАК) сказано, что найден он «... при дер. Студенце ... весом в 12 лотов ... сделан в начале XI века, при Великом князе Владимире Святом ...». Комиссия указала на ошибку в определении его веса: 21 зол. 72 доли (92,78 г), а не 12 лотов (153,56 г), и сообщила о переводе в Могилёвское губернское казначейство 30 рублей для выдачи их находчику²⁸. В августе 1889 г. слиток был передан из ИАК в Императорский Эрмитаж, а его гальванопластическая копия – в Московский исторический музей²⁹.

В нумизматических работах и исторических исследованиях при описании находки слитка встречаются как незначительные погрешности, так и явные ошибки и неточности³⁰.

Особенно наглядно это демонстрирует не так давно изданная монография Ш.И. Бектинеева³¹. В списке источников, на которые он ссылается, названы работы Л.В. Алексева, А.А. Ильина, В.Н. Рябцевича, М.В. Фурсова, Н.Н. Щекотихина, М.П. Сотниковой и др. Надо сказать, что большую часть ошибок Ш.И. Бектинеев позаимствовал в монографии Л.В. Алексева, единственного из авторов, кто удвоил находку³². Ошибка видна сразу, поскольку в работе А.А. Ильина, на которую Л.В. Алексеев ссы-

²³ Там же. Л. 19.

²⁴ Д. 198-1901. В листе использования отмечено, что с делом знакомились Кротошкин В.В. (1955 г.), Рябцевич В.Н. (1960 г.), Милютин В.Н. (1990 г.), Роман Ковалев (1998 г.).

²⁵ В ряде работ (Рябцевич, В. Дирхамы Арабского Халифата в денежном хозяйстве Полоцкой земли (IX–X вв.) / В.Н. Рябцевич // Славяне и их соседи (археология, нумизматика, этнология): Минск, 1998. – № 19, 19а. – С. 69; Рябцевич, В.Н. Монетные депозиты западных земель Древней Руси (материалы) / В.Н. Рябцевич // Suiatowit: rocznik poświęcony archeologii przeddziewiczej i badaniom pierwotnej kultury polskiej i slowianskiej. Tom VII (XLVIII). Fasc. V, 2006–2008. – № 76, 76a, № 114) приводятся неполные данные о количестве монет: «известен 541 дирхам», в то время как в деле говорится о 1210 экз., из них 541 экз. целых монет и 2 ф. 38 зол. обломков (Л. 1, 2, 11). Район находки определен в этих перечнях верно – Дубровенский Витебской обл., но необходимость привязать клад к реальному населенному пункту была изначально обречена на неудачу, поскольку опиралась на ошибку в написании его названия на обложке дела. В итоге из-за «синонимичности», по мнению автора, слов «застенок» и «хутор» возник некий «хутор Любиничский». Правильное название места находки указано в документах – это исчезнувшая деревня Застенка Любиничский (Л. 15, 16), которая располагалась в бывшей Баевской волости, в верховьях р. Переволочка (Переволочня), на ее левом берегу. Находка дирхамов – не единственная в этой округе, наряду с характерным топонимом подтверждает наличие здесь волока (см. Мяцельскі, А.А. Мэціслаўскае княства і ваяводства ў XII–XVIII стст. / А.А. Мяцельскі. – Мінск, 2014. – С. 22). Двойник Любиничской находки – «клад Любиничи» Кировского р-на Могилёвской обл. (первая публикация: Кротошкин, В.В. Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе / В.В. Кротошкин // Нумизматика и эпиграфика: Том IX. – Москва, 1971. – № 185. – С. 93). Местом хранения этого «клада» автор называет Могилёвский краеведческий музей. Со ссылкой на В.В. Кротошкина В.Н. Рябцевич внес «клад Любиничи» в свои «перечни реликтов денежного обращения» (см.: Рябцевич, В.Н. Денежные депозиты IX – начала XIV вв. на территории Могилёвщины / В.Н. Рябцевич // Минулая і сучасная гісторыя Магілёва: зб. навук. прац удзельнікаў Другой міжнар. навук. канф. «Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць». – Магілёў, 2001. – № 5. – С. 18.; Рябцевич, В.Н. Монетные депозиты западных земель Древней Руси (материалы) / В.Н. Рябцевич // Suiatowit: rocznik poświęcony archeologii przeddziewiczej i badaniom pierwotnej kultury polskiej i slowianskiej. Tom VII (XLVIII); Fasc. V, 2006–2008. – № 40. – С. 111). Допущенные ошибки вводят в заблуждение исследователей, которые, пользуясь недостоверными данными, невольно повторяют их (см.: Еремеев, И.И. Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвьяния) / И.И. Еремеев. – Санкт-Петербург, 2015. – Рис. 46–48. Приложение I. – № 91).

²⁶ Д. 198-1901. Л. 3, 5, 11.

²⁷ Д. 14-1886. «Дело о серебряном монетном слитке, найденном в Могилёвской губернии». Л. 2, 4. В настоящее время на указанном участке дороги находится возвышающаяся в 1920-е гг. д. Курганье Горецкого района (см.: Гарады і вёскі Беларусі: энцыклапедыя. – Т. 5. Кн. 1: Магілёўская вобласць. – Мінск, 2008. – С. 500).

²⁸ Там же. Л. 1, 2, 5 (деньги получил находчик слитка, Студенецкий сельский староста Никита Дмитриев).

²⁹ Там же. С. 1 об. 6, 8.

³⁰ Рябцевич, В.Н. Денежные депозиты Полоцкой земли конца X – начала XIV вв. // Гістарычна-археалагічны зборнік № 15. – Мінск, 2000. – № 95. – С. 70; Рябцевич, В.Н. Денежные депозиты IX – начала XIV вв. на территории Могилёвщины / В.Н. Рябцевич // Минулая і сучасная гісторыя Магілёва: зб. навук. прац удзельнікаў Другой міжнар. навук. канф. «Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць». – Магілёў, 2001. – № 16. – С. 20 (в этих перечнях год поступления слитка в ИАК (1886) отмечен как время самой находки (октябрь 1885), а вместо местечка Горы назван город Горки так же, как и несуществующая дорога Горки – Студенец).

³¹ Бектинеев, Ш.И. Денежное обращение на территории Беларуси в IX – XVI веках: нумизматические исследования / Ш.И. Бектинеев. – Минск, 2014. – № 19 [87], 20 [88]. – С. 391–392.

³² Алексеев, Л.В. Смоленская земля в IX – XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии / Л.В. Алексеев. – Москва, 1980. – С. 79.

лается, значит, только одна находка – серебряный слиток, найденный при д. Студенец³³. Обосновывая наличие двух находок – одиночного слитка в д. Горы в 1885 г. и Студенецкого клада монетных серебряных слитков 1886 г., Ш.И. Бектинев, в свою очередь, копирует все ту же ссылку Л.В. Алексеева, которая относится не только к могилевским, но также к смоленским и тверским находкам³⁴, т. е. получается, что к работе А.А. Ильина сам он не обращался. Ш.И. Бектинев повторяет ошибку, указывая вес слитка: 213 золотников и 3 доли (т. е. 908,68 г), бездоказательно говорит о том, что «например, В.Н. Рябцевич» считал Студенецкую находку «кла-

дом слитков», а составитель каталога Могилевского музея М.В. Фурсов «переслал в Археологическую комиссию» слиток и т. д., и т. п.

Как утверждала Т.В. Равдина, «ценность нумизматических сводов зависит от точности и полноты исходных данных. Ошибки ложатся в основу неверных концепций, поэтому в сводах они не оправданы ничем»³⁵.

Насущной задачей в решении проблемы ошибочных данных о монетных кладах и других находках должно стать создание их полноценного свода (инвентаря), тщательно сверенного с архивными, музейными и иными достоверными источниками.

On the Treasury of Krichev “1909–1910–1911”

Viachaslau FILINAU, the NGO “Belarusian Numismatic Society”, Member of the Board, Republic of Belarus, Mogilev, e-mail: vafilinov@gmail.com.

Abstract. *The article dwells on the scientific inventory of the numismatic fund of pre-revolutionary time. Based on the study of archival cases of treasure finds in Mogilev province, the author gives examples of the inaccuracy of the initial and basic data on treasures, their composition, location and time of the find, cited in printed reference works, lists and summaries. The best way to avoid such errors is to use the data contained in documentary sources, primarily archival ones.*

³³ Ильин, А.А. Топография кладов серебряных и золотых слитков / А.А. Ильин. – Петербург, 1921. – № 147. – С. 36.

³⁴ Алексеев, Л.В. Смоленская земля в IX – XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии / Л.В. Алексеев. – Москва, 1980. – С. 79. Ссылка 21 в [32, с. 36, 46, 47]; Бектинев, Ш.И. Денежное обращение на территории Беларуси в IX – XVI веках: нумизматические исследования / Ш.И. Бектинев. – Минск, 2014 (с. 391 № 19 [87]), список литературы: 219, с. 36, 46–47).

³⁵ Археологические замечания к нумизматическим работам // «Советская археология», 1975. – № 1. – С. 316.